

4. Лакофф Дж. Когнитивная семантика// Язык и интеллект. – М., 1996. – С. 148.
5. Платон. Избранные диалоги. – М.: «Художественная литература», 1965. – 142 с.
6. Jaggar A. Love and Knowledge: emotions in feminist epistemology// Gender/ body/ knowledge: Feminist Reconstruction of Being and Knowing. – Rutgers University Press, 1989. – 388p.
7. Lloyd G. The Man of Reason: «Male» and «Female» in Western Philosophy. – New York and London: Routledge, 1993. – 168 p.
8. Grimshaw L. Feminist Philosophers: Women's Perspectives on Philosophical Traditions. – Brighton: Wheatsheaf, 1986.– P. 31-33.
9. Tiger L. The possible biological origin of sexual discrimination// Impact of Science on Society. – № XX, 1, 1970. – P. 29-44.
10. Wilson E. O. Sociobiology: The new synthesis. – Cambridge, MA: Beknap Press, 1975. – 697 p.
11. Hardy S. Sex bias in nature and in history: A late 1980s reexamination of the «biological origins» argument // American Journal of Physical Anthropology. – Vol. 33. – № S11, 2005. – P. 25.37.

Александр Волков

Дискурс женщины: от Сартра к Кристевой

У статті досліджується дискурс жінки на основі використання екзистенціального підходу. Виявляються різні трактування іншого. Показується своєрідність дискурсивної рефлексії. Розкривається своєрідність позиції жінки. Показуються такі стани, як буйство і покірність, а також їх зумовленість. Протиставляється нарцисизм і фемінізм. Характеризується призначення визнання в існуванні, яке протиставляється знанню. Характеризуються різні рівні відносин, і виділяється духовність як вищий рівень, при якому приходиться усвідомлення необхідності віри.

In the article discourse of woman is probed on the basis of the use of existential approach. Different interpretations come to light other. Originality of discursive reflection is shown. Originality of position of woman opens up. Such states as disorderly conduct and obedience, and also their conditionality are shown. Narcissism and feminism is contrasted. Setting of confession is characterized in existence which is matched against knowledge. The different levels of relations are characterized, and spirituality as higher level which the awareness of necessity of faith comes at is selected.

При рассмотрении дискурса женщины вполне оправдано будет обратиться к наследию Ж.-П. Сартра, поскольку в его работах можно найти довольно детальный анализ проблемы языка [7]. Противостояние с другим, которое описывает Ж.-П. Сартр, вполне следует отнести к отношениям мужчины и женщины, которые мы будем рассматривать со стороны позиции женщины. Отношение с другим – это конфликт, в котором видение самого себя возможно только со стороны другого, при условии участия в дискурсе, который объединяет. Это вполне оправдано, поскольку понять себя и

другого можно при наличии общения. Конфликт состоит в том, что ценность самого себя открывается через другого; это ценность, которую мне приписывает другой, а через него себе я сам. Большое значение Ж.-П. Сартр уделяет свободе, которая, по его мнению, возможна в состоянии любви. Свобода при этом – признание любимого как абсолютной ценности. Тогда отчуждение становится невозможным, а ему место уступает соблазнение, которое есть не что иное, как рискованный шаг навстречу тому, кто, возможно, любит.

Обратим внимание на то, что сартровская трактовка языка весьма близка современному пониманию дискурса. Это понятно, поскольку язык рассматривается как средство самовыражения. Поэтому анализ языка Ж.-П. Сартра можно использовать при исследовании женского дискурса. Содержанием этого дискурса не будет точное знание, то есть знание о конкретном предмете, а будет смысл, в котором получает выражение своеобразие переживания отношения к другому [7, 221]. При рассмотрении отношения к другому проясняется смысл сказанного, его оттенки, и, соответственно, уточняются отношения. Отсюда вполне объяснима магичность языка.

Основная цель в любви – это присвоение другого для самого себя, при этом другой обладает высшей ценностью. Таким образом, любимый обретает свободу через другого. Если же он сосредотачивается только на самом себе, то это приводит к мазохизму как очарованности собой в качестве объекта наслаждения. Можно утверждать, что трактовка дискурса, Ж.-П. Сартра напоминает феномен зеркала, который позднее был описан Ж. Лаканом [4]. В такой трактовке отсутствует Я в его фиктеанском понимании, как нечто

самодостаточное в самом себе, а его место занимает видение себя через другого. Если мы обратимся к дискурсу женщины, то другой – это тот, кого хочет завоевать женщина, и, в то же время, покориться ему.

Совершенно иную трактовку другого мы находим у Ю. Кристевой, у которой другой обретает относительную автономность, поэтому она описывает переживания не самого себя, как это мы видим у Ж.-П. Сартра, а другого. Автономность другого становится причиной его превращения в чужого. Кто такой чужой? Это другой, который принадлежит иному субъекту, это: «Чужестранец, как фигура ненависти и другого, не является ни романтической жертвой некоторой семейной линии, ни посторонним, что отвечает за все несчастья полиса» [4, 7]. Почему у Ю. Кристевой вызвал такой интерес другой как чужой? На наш взгляд, это связано с потребностью в осмыслении модуса существования, который раскрыт в «Письме о гуманизме» М. Хайдеггера [8].

Обратим внимание, что если у Ж.-П. Сартра дискурсивная рефлексия осуществляется посредством обращения к зеркальному отображению себя в другом, то есть на основе принципа тождества, а затем уже различия, то у Ю. Кристевой различие выступает на первый план. Не случайно чужой рассматривается следующим образом: «Это – симптом, который, собственно, и делает «мы» проблематичным, а то и невозможным, чужестранец начинается тогда, когда возникает осознание своего отличия, он заканчивается тогда, когда мы все признаем себя чужими, бунтуем против связей и сообществ» [там же].

Соответственно, Ю. Кристева обращает внимание совершенно на иные переживания, чем Ж.-П. Сартр. Это различие, которое весьма близко различию Ж. Дерриды [2]. У Ю. Кристевой налицо также социальный аспект, поскольку чужой – это другой, который принадлежит иному субъекту, являясь его гражданином, кто может претендовать на признание только там, а здесь он – чужой, и переживания его трагичны. Переживания своего вообще ей не показаны, однако их можно предвидеть при рассмотрении переживаний чужого, который является «лишним ртом», поскольку претендует на то, чем должны обладать только свои. Несмотря на то, что у чужого «кровоточат душа и тело», он вызывает враждебность, и сам он настроен враждебно.

Итак, если отношения с другим у Ж.-П. Сартра построены на отношениях взаимной обусловленности, то у

Ю. Кристевой, наоборот, различия, инаковости. При анализе дискурса женщины мы будем использовать обе трактовки отношения с другим, поскольку в совокупности они в полной мере характеризуют позиционирование в дискурсе. Тем более что, так или иначе, обусловленность предполагает различие, в противном случае, возникает тождество, напоминающее фихтеанское. Пафос работы Ю. Кристевой состоит в том, чтобы через описание различия преодолеть отстраненность с чужим, вызвать сочувствие, продуцировать новое, осознанное единство. В самом деле возможно, что чужой рано или поздно в результате ассимиляции станет своим, и у него перестанет «кровоточить душа и тело». Именно таким образом происходит возникновение любви, когда тотальное неприятие другого, вдруг, трансформируется в его признание.

Поэтому точки зрения Ж.-П. Сартра и Ю. Кристевой можно рассматривать как взаимно дополняющие друг друга, хотя, если первая отдает предпочтение позиции Я по отношению к другому, то, вторая, наоборот, другому по отношению к Я. Их объединяет то, что предметом исследования оказываются переживания, возникающие при установлении отношений, рассмотрение которых позволяет выявить своеобразие существования. В результате использования такого подхода при исследовании существования выявляется некий ряд, который показывает его своеобразие. Например, у Ю. Кристевой он такой: обделенность, утрата, вызов, страдание, экзальтация, расстояние, уверенность и т.д. Наша цель состоит в выявлении этого ряда на основе рассмотрения дискурса женщины.

Поставим такой вопрос: что может переживать тот, кто дает жизнь? Для этого надо быть готовым отдаться самой жизни. Это означает, как полагал Ж.-П. Сартр, быть готовым к соблазнению и быть соблазненной, поскольку жизнь возможна при условии наличия непосредственной близости с другим. Женщина всегда готова отдаться жизни, соответственно, соблазнять и быть соблазненной. Поэтому дискурс женщины включает в себя выражение покорности тому, кто может ею овладеть. Овладеть женщиной может только тот, кто способен относиться к жизни как жизни, не абстрактно, не отстраненно с некоторой дистанции, а непосредственно не только принимать ее, но и участвовать в ней. Быть в состоянии овладеть, значит обладать полнотой жизни, следовательно, быть открытым, радоваться и веселиться, а не скорбеть, страдать и

мучиться. Быть на стороне жизни означает проявление заботы о ней, об ее сохранении, следовательно, быть снисходительным, принимать ее несовершенство. В самой жизни есть что-то постыдное, поскольку она предполагает наготу мужчины и женщины. Это противостояние в наготе, тем не менее, предполагает, что каждый из них стремится сохранить себя в неприкосновенности. Этот эгоизм и есть то, что препятствует проявлению жизни. Обратное будет в лишении неприкосновенности и попытке отдать себя другому. Лишение неприкосновенности будет служением, которое может приобрести характер жертвы. Когда мы говорим о стремлении сохранить самого себя, то возникает такой вопрос: для чего? Мужчине это необходимо в целях обеспечения условий жизни, а женщине - для ее продолжения. Если первый предпринимает попытки ее сохранения, то вторая - осуществления. Поэтому отдаться можно только тому, кто может сохранить, только в этом случае совершенное насилие по отношению к другому может себя оправдать. Насилие, которое предполагает сохранение, предполагает наслаждение. Не следует думать, что каждый из них, когда они стремятся обеспечить неприкосновенность, не совершает насилие по отношению к другому. Но такое насилие, одновременно, есть наслаждение. Насилие же по отношению к себе будет принимать формы нарциссизма и феминизма. Тогда и тот и другой стремятся поиграть мускулами при демонстрации своей неприкосновенности, что льстит самолюбию каждого. Игра мускулами - это проявление воли, которое предполагает демонстрацию господства над другим, чаще всего воображаемое. Быть на пьедестале для самого себя приятно, казаться себе воплощением совершенства, вообразить, что достиг невозможного, не покорился никому - разве это не свобода? Ставится такой вопрос: зачем мне она/он нужна/нужен? Разве мне неприятно это положение на пьедестале? Но такая мускулистость приводит к отказу от жизни. Нарциссизм проявляется в любовании совершенством самого себя и отказу от женщины. Радикальный феминизм, наоборот, отказу от мужчины как существа явно несовершенного. Но приводят ли они к избавлению от насилия, в этом случае над самим собой? Понятно, что в этом случае насилие выступает формой проявления любви к самому себе. Это насилие представляет собой отпадение от жизни. Это насилие находит свое выражение в буйстве, которое может быть как неистовым, так и тихим, незаметным.

Буйство жизни, но уже при отказе от нарциссизма и феминизма, мы находим в вакханалии, где разрушаются границы приличия, поскольку предполагается, что можно отдаться каждому публично. Вакханалия возможна при условии, что буйство предполагает покорность, эти стороны предполагают друг друга, именно они обуславливают устранение границ для проявления жизни. Их полное единство и гармония будет любовью, в которой буйство становится усмирленным. Буйство и покорность - это две стороны жизни в ее непосредственности. Но буйство может быть воплощением непокорности, а покорность - воплощением унижения, полного подавления самого себя. Их взаимное отрицание возможно в результате признания другого как воплощения совершенства. Каждый предполагает наличие у другого большего совершенства, при этом он даже не пытается прояснить, что он собой представляет для себя. Это забвение самого себя - проявление неопределенности, при которой отсутствует окончательность присутствия. Есть только отнесенность себя к другому, на основе сравнения в его сторону, а не в свою пользу. Но это «не в свою пользу», оказывается противоположностью, поскольку оно позволяет другому приблизиться и стать близким. Это взаимное возвышение и определяет оптику женского дискурса. Оптика в этом случае означает видение себя и другого в пространстве власти, которая реализуется в дискурсе. Эта оптика любви проявляется в постоянном подталкивании к вершине другого, и каждый утверждает, что другой - лучше его, что он обладает большими достоинствами, что он более совершенный. Неопределенность в этом случае предполагает неумолимую доброту через признание другого как ценного. Неумолимость доброты состоит в том, что она не акцентирует внимание на отсутствии несовершенства, более того, проявления зла, при условии, что оно совершается непреднамеренно. Неопределенность имеет свои истоки в нераспознавании самого себя, что предполагает отсутствие внимания к самому себе. В дискурсе женщины она сама для себя есть тайна. Женщина не знает, кто она такая, что представляет из себя. Ей трудно понять, что ожидать от самой себя, буйства или покорности. Воля проявляет себя через зов тела, которое просит буйства и покорности. Она сама не знает, как ей быть. Знание как определенность и известность здесь бессильно, поскольку оно указывает только на уже существующее, жизнь же есть становящееся, которое требует присутствия.

Женщина может о другом знать все, как ей кажется, но это знание ровным счетом ничего не дает, поскольку отношение требует участия, и только от его характера зависит существование. Неопределенность ставит под сомнение знание, более того, переводит его в ранг заблуждения. Но как можно считать знание заблуждением? Ведь нельзя же отрицать факт, что нечто действительно имело место как явное. Однако это знание не имеет никакой отнесенности, поэтому оно ускользает и становится тождественным заблуждению. Их тождественность связана с отсутствием их актуальности. Как знание, так и заблуждение совершенно ничего не прибавляют и не забирают. Гораздо предпочтительнее иметь не знание, а отношение. Отсутствие отношений даже больше, чем равнодушие как безразличное отношение к другому.

Знание при жизни уступает место признанию, которое возникает в результате вступления в отношение, в результате чего становится возможным понимание или воспоминание о другом. Признание – это вступление в позитивные отношения, при котором частично снимается неопределенность. В признании присутствует знание, но это знание основывается на предположении, оно оказывается не сколько указанием на факт, сколько указанием на проявление себя и другого при наличии присутствия. Признание – это игра возможностей неопределенности, даже если отсутствует доверие к другому и уверенность в его преданности. Признание предполагает *поддержку отношений, их восстановление в сплетне*. Обычно сплетню оценивают крайне негативно как паутину, которая набрасывается на присутствие. Но при отсутствии актуальности знания только сплетня может его компенсировать, поскольку именно в ней мы находим установление *меры признания другого*. Эта мера не есть некоторая константа, а только некоторый горизонт возможностей. Именно *в сплетне сплетаются судьбы*. Прояснение, кто к кому и как относится, кто с кем, и почему, при каких обстоятельствах – это и есть ее предмет, которая показывает бытие-здесь-и-теперь. Это бытие требует восстановления себя через сплетню в каждое мгновение присутствия. При отсутствии сплетни признания не происходит, поскольку отсутствует включение другого в присутствие. Расстояния не имеют никакого значения, поскольку для включения в сплетню расстояние несущественно. Признание в какой-то мере позволяет снять неопределенность, поскольку предполагает указание на некоторое присутствие,

проявление себя или другого по отношению друг к другу. Их еще нельзя различить, еще не понять своеобразие, неповторимость, уникальность, а есть только выявление всеобщности. Такая неопределенность и есть сфера гуманитарных наук, например, социологии, педагогики, философии, и других наук, которые пытаются раскопать знания о присутствии. Но какое отношение они имеют к присутствию? Самое отдаленное, поскольку знание само обусловлено признанием, его необходимо присвоить кому-либо. Но его освоение также может связывать в признании, например, при обсуждении проблем жизни. Таким образом, знание в сплетне имеет совершенно иное предназначение, чем в научном опыте. Здесь его наличие можно считать исходным пунктом для начала его распознавания. Знание всегда указывает на того, кто им обладает, и невозможно вне присвоенности.

С постановки вопроса: Каким знанием обладает другой? – происходит установление отношений. Знание как самореализация в этом случае неотделимо от обладания им, его использования. Измерить другого можно в зависимости от способности таким способом обладания знанием как способа осуществления. Если знания другого намного превышают свои, то это отпугивает, делает невозможными отношения. Обладатель превосходящими знаниями оценивается как более совершенный, и возникают опасения собственной дискредитации. И, тем не менее, для возникновения интимных отношений обладание знанием не имеет никакого значения. Для них гораздо важнее наличие признания. Не обязательно знать, кто такой другой, какое его имя, однако необходимо его присутствие в сплетне, тем самым, в кругу близких.

Поэтому случайная связь вполне возможна при отсутствии понимания того знания, которое имеет другой. Но для близких и устойчивых отношений необходимо хотя бы приблизительная оценка того знания, которым владеет другой. Если его размеры значительно не соответствуют твоему, то другого не принимают как равного и отдаляются от него. Что тогда в этом случае означает «знать»? Понятно, что речь идет не о научном знании, а о знании как процессе осмысления присутствия в мире. Это знание весьма близко не некоторой совокупности концептов, а интенсивности и глубине видения мира, соответственно, понимания жизни. Видеть больше другого означает способность к раскрытию тайн существования. Понятно, что знание и видение как интенсивность познания

соответствуют друг другу. Значительное несоответствие в интенсивности познания приводит к невозможности признания другого, поскольку оно предполагает существенное превосходство одного. При таком соотношении себя и другого буйство становится выражением унижения. Сразу же осознается далекость другого, который помещается за горизонтом видения. Но возможна ситуация, что тот, кто обладает значительной интенсивностью познания, опускается до уровня другого, притворяясь, что ничего не знает. Если отношения с женщиной строятся на этом, то она полностью отдается во власть и покоряется тому, кто может ей овладеть. Другой вариант, когда эта покорность, тем не менее, основывается на обладании женщиной знанием, например, в феминизме. Понятно, что обладание знанием усложняет отношения, в результате чего выбор становится более жестким. Например, при отсутствии актуальности знания достаточно только признание другого, тогда покорность провоцирует буйство, конечно, тайное, скрытое от чужих глаз. Именно эта тайна скрепляет узы и выступает залогом близости. Таким образом неопределенность отношений охраняется тайной. Сокровенное связывает и делает отношения устойчивыми. Так сходятся мужчина и женщина, не позволяя наблюдателям проникнуть под покров их отношений. Хуже, когда обладание знанием приводит к стремлению самоутвердиться по отношению к другому. Тогда полнота материальной жизни рассматривается в качестве высшей цели. Нищета осуждается как нечто унижительное.

А между тем, нищету следует рассматривать как состояние самого себя. Ее отличает доминирование буйства, которое не позволяет обустроить самого себя, в результате чего возникают лишения самого разного характера. При таком буйстве полностью отсутствуют признаки терпимости, возможность прощения. Буйство проявляется в бесцельной растрате сил, что приводит к бессилию что-либо сотворить, что и порождает нищету. Что такое бессилие? Это неспособность что-либо делать по причине полного внутреннего расстройств. Нищета еще состояние полной безысходности. Человек ничего не делает не потому, что он не умеет творить, а потому, что это не позволяет вовлеченность в буйство. В буйстве мы видим стремление к вечному празднику как высшей позитивности. Праздник – это состояние ублажения самого себя. Ничего не может быть выше праздника, поскольку в нем снимается

неудовлетворенность и торжествует полнота самого себя. Такой праздник есть полнота проявления единичной воли, и отказ от признания другого. Однако он признается, если принять участие в буйстве вместе с тобой. Если же отказывается, то вызывает ненависть. Назначение буйства состоит в том, чтобы принести другого в жертву, того, кто не в состоянии себя защитить не потому, что у него отсутствуют силы, а потому, что он является его самым слабым участником, неспособным противостоять этому же буйству. При буйстве происходит полное забвение самого себя, а остается только играть роль в инсценировке буйства. Рано или поздно происходит разорванность существования, которая открывает путь в нищету.

Преодолеть разорванность может признание другого как близкого, того, кто ставится на пьедестал для самого себя. Признание проявляется во взаимной заботе, а полноту этой заботы в состоянии проявить именно женщина в повиновении. Это повиновение позволяет усмирить буйство посредством соблазнения. В результате буйство уступает место спокойствию как проявление уверенности в самом себе, появлению чувства собственного достоинства. Тогда наступает мир, и с ним тишина. В тишине буйство превращается в тайную страсть, которая способна примирить несоизмеримое. Слова уже не нужны, поскольку есть полное согласие. В буйстве сказанное – это брань, назначение которой состоит в выражении радости. Поэтому при буйстве допускаются оскорбления, поскольку они не принимаются как таковые. Этот феномен отмечал М. М. Бахтин при исследовании смеховой культуры [1]. Все возвышенное развенчивается, все становятся равны между собой, а побеждает тот, кто может удивить интенсивностью буйства. К нему тянутся как к предводителю. Распутство привлекает своей доступностью и объединяет тех, кто не верит в самого себя. Когда наступает тишина, то приходит усталость, а с ней всеобщее примирение. Итак, распутство позволяет избавиться от различия, которое связано с взаимным отрицанием.

В тишине в свои права вступает женщина, которая способна простить и проявить милосердие. Это милосердие движется к своей высшей точке в благоговении и святости. Поэтому открывается путь к Богу как основания для святости, возможности проявить милосердие прилюдно, не скрываясь ни от кого. Тогда на первый план выступает духовное. Духовное не предполагает отказ от жизни в

трансценденції, а наделенні життя святістю. Духовне – це стан і відношення, де визнання стає внутрішньою потребою, і досягає своєї чистоти в усіх прощаннях. В духовності слова набувають магічного значення, а значення цих слів складається в визнання абсолютності блага, яким є тепер стан переживання, а не яке-небудь матеріальне. В духовності тиша отримує нове значення, оскільки є місцем благоговіння перед життям, станом, дослідження якого ми знаходимо в працях В. Гумбольдта, Н. Рериха і др. [3; 6].

Жінка ближче до життя. Тому в дискусії жінки ми знаходимо буйство і покірність, тоді перед нами земна жінка, яка служить життю. Якщо буйство для чоловіка – це можливість проявити свою силу, то для жінки – це можливість проявити свою покірність. Ітак, через покірність вона може проявити свою буйність, тим самим провокуючи виникнення радості і взаємного визнання. Знання життя – це не упорядкування природи, а досягнення самого порядку природи і безсумнівне підкорення їй. Вищою формою визнання виступає віра, яка не шукає причин і наслідків, а тільки безсумнівного підкорення. Посередством віри можна прийти до святості, але цей шлях завжди містить в собі небезпеку, оскільки віра передбачає безумовне поклоніння. Поклоніння в віру повинно бути пов'язано з святістю, яка присутня при поклонінні життю. Віра ставить під сумнів буйство і усуває його як неможливе. Воно поступає місце мудрості як стійкості в любові. В віру визнання набуває священного характеру і трансформується в таємницю. Віра захищає визнання від посягательства з боку посередством возвищення, яке повинно присутувати в відносинах до іншого в своїй початковій формі. Слова

переставляють грати значення. Обыденний розмова стає єдиним можливим. Необхідність в навчаннях відпадає. Судження і обговорення, які ми спостерігали в спілці, стає непотрібним. Изумлення стає основним переживанням. Настає повнота взаємного визнання, вираження взаємної підтримки. Буйство заспокоюється, оскільки стає не до місця, так як відсутня причина необхідності самовозвищення. Посередством благоговіння жінка отримує свою справжню висоту. Настає гармонія відносин. Це і є дискурс щастя, в якому народжується сім'я.

Література:

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура). – М.: Русские словари; Языки славянских культур, 2010. – 752 с.
2. Деррида Ж. О грамматологии: Пер. с фр. и вст. ст. Н. Автономовой.– М.: «Ad Marginem», 2000. – 511 с.
3. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. Пер. с нем. яз. сост., общ. ред. и вступ. статьи А. В. Гулыги, Г. В. Рамшвили. М.: Прогресс, 1985. – 451 с.
4. Кристева Ю. Самі собі чужі: Пер. з фр. З. Борисюк. – К.: Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2004. – 262 с.
5. Лакан Ж. Стадия зеркала и другие тексты. – М.: Paris: EOLIA, 1992. – 680 с.
6. Рерих Н. К. Душа народов. – М.: Международный Центр Рерихов, 1995. – 104 с.
7. Сартр Ж.-П. Первичное отношение к другому: любовь, язык, мазохизм: Пер. В. Библихина // Проблема человека в западной философии: Сб. перев. с англ., нем., фр. / Составл. и послесл. П. С. Гуревича: Общ. ред. Ю. Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988. – С.207-228.
8. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме: Пер. В. Библихина // Проблема человека в западной философии: Сб. перев. с англ., нем., фр./Составл. и послесл. П. С. Гуревича: Общ. ред. Ю. Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988. – С.314-356.

Тетяна Воропаєва

Гендерний вимір політичної культури української молоді

Проаналізовано гендерний вимір політичної культури української молоді.

The development of gender aspect of political culture of young Ukrainians is analyzed.

Відомо, що до початку 1990-х років гендерна проблематика ні в українській, ні в

російській науці практично не розглядалась. Проте в останні 15 – 18 років гендерна проблематика набула значного поширення в сучасній соціогуманітаристиці. З'явилося досить багато досліджень, присвячених аналізу феноменів гендерної культури суспільства, гендерної ідентичності, гендерної